

УДК 821.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205

Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита»

Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

ya_witch@mail.ru, saskuridina@yandex.ru, eleshka-82@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется роль имен собственных и лексем, относящихся к категории родства, в реализации художественного замысла. В рассказе «Никита» А. Платонов представляет окружающий мир глазами пятилетнего Никиты, поэтому не дает имен его родным, а использует термины родства, которые в детском сознании приобретают значение антропонимов. Онимы и термины родства в рассказе выполняют не только идентифицирующую и стилистическую функции, но и маркируют пространство в рамках мифопоэтической оппозиции «свое – чужое» и время, обозначая границы прошлого, настоящего и будущего, а значит, участвуют в выстраивании хронотопа, трансформируемого в конце повествования во вселенский.

Ключевые слова. А. Платонов, рассказ «Никита», ономастикон, антропоним, термины родства, хронотоп, мифопоэтические оппозиции

Для цитирования: Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. 2024. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита». *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(2): 199–205 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205

Anthroponymicon and Kinship Terms in the Story "Nikita" by A. Platonov

Nadeshda B. Bugakova, Svetlana A. Skuridina, Elena O. Kuzminykh

Voronezh State Technical University,

84 20th Anniversary of October St, Voronezh 394006, Russia

ya_witch@mail.ru, saskuridina@yandex.ru, eleshka-82@yandex.ru

Abstract. This paper analyzes the role of proper names and lexemes belonging to the category of kinship in the realization of an artistic idea. In the story "Nikita", A. Platonov presents the world around him through the eyes of five-year-old Nikita, therefore he does not give names to his relatives, but uses kinship terms, which in the children's consciousness acquire the meaning of anthroponyms. The onyms and terms of kinship in the story perform not only identifying and stylistic functions, but also mark space within the framework of the mythopoetic opposition of "one's own-another's" and time, marking the boundaries of the past, present and future, and thus participate in the construction of the chronotope, transformed at the end of the narrative into a universal one.

Keywords: A. Platonov, the story "Nikita", onomasticon, anthroponym, kinship terms, chronotope, mythopoetic oppositions

For citation: Bugakova N.B., Skuridina S.A., Kuzminykh E.O. 2024. Anthroponymicon and Kinship Terms in the Story "Nikita" by A. Platonov. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(2): 199–205 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205

Введение

Изучение функционирования имен собственных в художественных текстах – одно из основных направлений исследований представителей Воронежской ономастической школы, основателем которой является Г.Ф. Ковалев, чьи многочисленные труды охватывают творчество писателей и поэтов разных эпох – А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой, М.А. Булгакова и других. По мнению ученого, выбор онимных средств в любом художественном произведении обусловлен сознанием писателя, социальными характеристиками персонажа, системностью имени и хронотопностью (способностью отражать особенности изображаемой эпохи) [Ковалев, 2014, с. 10]. Идеи Г.Ф. Ковалева развиваются в работах его учеников, преследующих цель системного описания авторского ономастикона: С.А. Скуридиной выявлены и систематизированы единицы ономастического кода Ф.М. Достоевского [Скуридина, 2022], В.В. Вязовской проанализирован именник многих произведений Н.С. Лескова [Вязовская, 2007] и т. д. (см. подробно [Имя в..., 2023]).

Ономастика А. Платонова также становилась предметом исследования Г.Ф. Ковалева [2002, 2022]. Анализ имен собственных с точки зрения проявления автобиографизма представлен в диссертационном сочинении Ч.Т.Ф. Тхань [2020] и в работах О.Ю. Алейникова [2013, 2015]. В настоящее время системное изучение ономастикона прозаических текстов А. Платонова ведется Н.Б. Бугаковой, монографическое исследование которой посвящено описанию модели ономастического творчества писателя [Бугакова, 2023].

Несмотря на то, что среди тематических групп русской лексики термины родства занимают одно из первых мест по давности происхождения, исторической неизменности и распространенности и являются предметом исследования многих наук – культурологии, этнографии, генетики, генеалогии, социологии, лингвистики, их способность выступать в роли имени мало изучена. Тем не менее термины родства, реализуя идентифицирующую функцию, могут стать заместителями имени в случае его незнания или незначимости в реальном коммуникативном акте или в персонажной речи в текстах художественной литературы.

Цель, объект и методы исследования

Целью данного исследования является выявление функций антропонимов и терминов родства в рассказе А. Платонова «Никита».

Объектом исследования являются ономастические единицы и термины родства, замещающие имя, в рассказе А. Платонова «Никита» в их взаимодействии с другими равноуровневыми единицами текста. Анализ апеллятивно-онимного единства способствует более глубокому проникновению в художественный замысел автора.

В работе использованы как общенаучные, так и специальные лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания, этимологический, словообразовательный, ономастический, контекстуальный, стилистический и лингвокультурный виды анализа.

Результаты и их обсуждение

Рассказ «Никита», написанный А. Платоновым в 1945 году и первоначально опубликованный в журналах «Мурзилка» (№ 4; 7) и «Новый мир» (№ 7), включен А. Платоновым в цикл «Добрые люди», куда вошли также рассказы «Юшка» и «Цветок на земле». Отметим, что первоначально рассказ был назван А. Платоновым «Добрый кит», однако впоследствии он был опубликован как «Никита». Вариативные названия – это одна из тенденций творчества А. Платонова в 30–40-е годы. В этой связи можно вспомнить, например, рассказы «Глиняный дом в уездном саду» («Нужная родина»), «Машинист

Мальцев» («В прекрасном и яростном мире») и многие другие. Н.В. Корниенко определяет эту ситуацию в творчестве писателя как «своеобразное – новое – собирание Символа, «реального» и «реальнейшего» плана в символизации мира, и сознательный выход из поля символистской концепции поэта-теурга к... жесткой иерархичности отношений искусства и жизни» [Корниенко, 1999, с. 35].

В наших исследованиях мы уже отмечали важную роль, которую играет библониим в понимании произведения (об этом см. подробнее [Бугакова, 2023, с. 50–61]). Рассматриваемый рассказ изначально получает название «Добрый кит», что соответствует семейному прозвищу, изобретенному для героя рассказа вернувшимся с фронта отцом, который на войне задумался об устройстве мира. Примечательно, что впервые оно звучит буквально в последних предложениях рассказа, до возвращения отца главного героя автор использует полную форму имени *Никита* (Никита – от греч. Νικήτας ‘победитель’ [Суперанская, 1998, с. 249]).

Пояснение, почему отец называет сына выдуманным именем, мы находим в тексте рассказа: «Отец, вспоминая Никиту на войне, всегда называл его про себя "добрый Кит". Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век» [Платонов, 2012, с. 133]. Употребление прилагательного *добрый* в составе этой номинации обусловлено личными качествами Никиты, а существительное *Кит* используется отцом, очевидно, на основе созвучия онима *Никита* и лексемы *кит*. А. Платонов, называя рассказ «Добрый кит», хотел, полагаем, подчеркнуть доброту как главное качество героя, однако редакторы «Нового мира» решили по-своему.

Е.А. Яблоков считает, что семейное прозвище героя связано с образом мифических китов: «Поскольку судьба мира в рассказе зависит от успешной "работы добра", диминутив "Кит" ассоциируется с мифическими китами, на которых стоит мир, – Никита выглядит существом, обеспечивающим, "поддерживающим" мироустройство (характерно, что он помогает отцу, принявшемуся за перестилку пола в избе – укрепление "основы" существования)» [Яблоков, 2019, с. 37]. Несомненно, прозвище *Добрый Кит* семантически значимо: образ кита в библейской мифологии связан с воскресением, поскольку Иона, пробывший во чреве китовом три дня и три ночи, по воле Божьей выходит оттуда. В Евангелии от Матфея Иисус говорит: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12: 39–40) [Евангелие..., 2006, с. 1051]. Интересно, что в норвежских сказаниях существуют легенды о добрых и злых китах, отраженные в «Королевском зеркале» и, возможно, известные А. Платонову. В данных источниках добрые киты не только помогают людям ловить рыбу, но и спасают их от нападения злых китов. Добрые киты «это делают только до тех пор, пока рыбаки работают дружно и мирно. Если же на судне возникает ссора или драка и рыбаки ранят друг друга до крови, киты тут же замечают это и, преграждая морякам путь к берегу, отгоняют их судно далеко в море» [Киты..., 2001–2020]. В связи с этим знаменательно материнское наставление Никите жить смиренно, которое может быть истолковано с помощью синонимов *тихо*, *спокойно*, *послушно*. Однако следует согласиться с Е.А. Яблоковым, который первым обратил внимание на то, что в совете матери транслируется мысль писателя о включенности Никиты в бытие вселенной: «Ситуативно понятная фраза (живи один = ни во что не вмешивайся, не создавай конфликтных ситуаций) в силу "глобальности" нарисованной картины обретает универсально-философский смысл: "отдельное" положение героя сочетается с "всеединством" бытия – Никите нечего бояться, поскольку он часть вселенной (к тому же наречие смиренно по созвучию может быть понято как с миром, т.е. вместе с ним)» [Яблоков, 2019, с. 34].

Несмотря на измененное редакцией название, замысел автора – подчеркнуть доброту как ведущее качество Никиты – легко считывается благодаря активному употреблению

писателем эпитета *добрый* как по отношению к герою («Это ты хочешь всех сделать живыми, у тебя сердце доброе. Для тебя, поди, и камень живой» – говорит Никите отец [Платонов, 2012, с. 131]), так и по отношению к солнцу, с которым у мальчика складываются близкие отношения, в связи с чем оно видится ему добрым: «На небе светило доброе солнце», «Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ теплым лицом» [Платонов, 2012, с. 128]).

В отличие от отца и автора рассказа мать, обращаясь к сыну, употребляет диминутив *Никитушка*. В этой форме имени не только чувствуются забота и любовь, но и транслируется несоответствие возраста ребенка и функции хозяина, которую он должен выполнять, оставаясь дома один, поскольку отец не вернулся с войны, а матери необходимо идти на работу.

Никите всего пять лет, поэтому и мир, окружающий его, А. Платонов представляет глазами ребенка. Стоит обратить внимание, что у родных мальчика нет имен, вместо них используются термины родства, которые в детском сознании приобретают значение антропонимов. Лексика, обозначающая степень родства, относится к древнейшему общеславянскому фонду, что свидетельствует о значимости данных наименований в картине мира русского человека. Как указывает С.М. Толстая, «категория родства имеет не только биологическое, социальное, психологическое, ритуальное, языковое, литературное измерение, но и мифологическое содержание и магические функции поддержания жизни, устойчивости и безопасности людей в этом мире» [Толстая, 2009, с. 19].

У Никиты никого нет из родных, кроме матери, в связи с чем он вступает в родство с окружающими его предметами живого и неживого мира, что является достаточно традиционным действием, поскольку «парадигмы родства», наряду с другими перечнями, могут использоваться в магических целях для «полного» уничтожения опасности» [Толстая, 2009, с. 19]. Так, в небезопасном мире Никиты, населенном маленькими жителями, обитающими в бочке, колодце (во главе с великаном), в земляных норах, под землей, появляются близкие родственники – солнце-дедушка и банька-бабушка (избушка-бабушка). Как видим, «детское (мифологическое) сознание устанавливает прямое тождество дома и человека. Так, Никита в одноименном рассказе в старой баньке видит свою умершую бабушку: «Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! (...) Ишь, живет себе, вон у ней голова есть — это не труба, а голова — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек» [Дмитровская, 2000].

Каждый день Никита, проводив мать на работу, выступает в роли хозяина и совершает обход своего мира, общаясь с его обитателями, которые по-доброму реагируют на мальчика («пень молча улыбался Никите» [Платонов, 2012, с. 129]), а если и хотят что-то нехорошее сделать, то это остается только в их мыслях, которые транслируются Никитой, проходя через фильтр его сознания. Так происходит до тех пор, пока Никита не находит желтый цветок, который представляется ему живым человеком («вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнувший живым дыханием» [Платонов, 2012, с. 130]). Несмотря на то, что в цветке герою мерещится очередной человечек, он ломает стебель цветка, из него сочится молоко, и тогда Никита подтверждает свою догадку: «Ты маленький ребенок был, ты мать свою сосал!» [Платонов, 2012, с. 130].

После Никитино поступка, совершив который, он посягнул на вселенскую гармонию, его мир преобразается: «свое» пространство, изначально являющееся местом обитания поименованных героем существ, становится «чужим», что проявляется не только во враждебности всего окружающего, но и, в том числе, в проникновении в мир мальчика чужого имени, используемого в обращении к пню: «И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул: «Максим, ты где?»» [Платонов, 2012, с. 131]. Коля плетня, считающегося

в мифологическом сознании границей своего и чужого пространства, превращаются в лица неизвестных Никите людей, и даже изба «смотрела на него, как прохожая старая тетка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутевые, нарожали вас на свет – хлеб пшеничный даром жевать» [Платонов, 2012, с. 130–131]. Никита призывает словами-именами мать («К нам во двор чужие пришли и живут» [Платонов, 2012, с. 131]), но она не слышит, солнце-дедушку, который был за облаком, но «отвел от своего лица темную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле» [Платонов, 2012, с. 131], благодаря чему мальчик встает на ноги и бежит из бывшего родного пространства «по пыльной пустой дороге» туда, где находится мать, которая может его защитить. Предсказуемо, что в речи героя возникают лексемы, относящиеся к терминологии родства (мама, бабушка), поскольку они являются своего рода оберегами, то есть выполняют защитную функцию. Однако силы покидают мальчика, и он садится «в тени овина на околице» и засыпает, а когда возвращается домой, видит там не только мать, но и отца.

Отметим, что отец в рассказе является отцом не только Никиты, но и всего, что вокруг: «К нам отец пришел», – сообщает Никита [Платонов, 2012, с. 132]. Отец пришел «век вековать» не только к семье, а ко всему, что является «своим», то есть находится в пределах дома и двора. Функция хозяина от малолетнего сына возвращается к отцу, поэтому «во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землей было тихо, никто не корябался оттуда наружу, на свет» [Платонов, 2012, с. 132]. Приход настоящего хозяина восстанавливает равновесие мира, в результате чего предметы и явления, включенные в противопоставление «свое – чужое», возвращаются на свои позиции.

Интересно, что до появления отца мать ни разу не обращается к Никите, используя термин родства, только автор многозначительно замечает, что «мать не услышала сына» [Платонов, 2012, с. 131]. С приходом отца все меняется – дважды А. Платонов использует наименование по родственному признаку («Отец повел сына домой в избу» [Платонов, 2012, с. 133], «Отец погладил светлые волосы сына» [Платонов, 2012, с. 133]), поскольку автору важно показать, что семья, а в целом род – основа мироздания, но наиболее важным является обращение отца к Никите, в котором он совмещает термин родства с прозвищем: «Давай, сынок, – согласился отец. – Давай, добрый Кит» [Платонов, 2012, с. 133]. Сын – это продолжение рода, а прозвище *Кит* (в мифологических представлениях в основе мира – кит или три кита) отец придумывает Никите на войне – в мире смерти, что может рассматриваться как попытка преодолеть смерть, построив свой мир.

Заключение

Таким образом, завершая выявление семантического потенциала антропонимикона и терминов родства в рассказе «Никита», отметим, что данные текстовые единицы являются ключевыми для понимания художественного замысла А. Платонова. Онимы и термины родства, заменяющие имена собственные в мире пятилетнего героя, выполняют не только идентифицирующую и стилистическую функции, но и маркируют пространство в рамках мифопоэтической оппозиции «свое – чужое» и время, обозначая границы прошлого, настоящего и будущего, а значит, участвуют в выстраивании хронотопа, трансформируемого в конце повествования во вселенский.

Список источников

- Евангелие от Матфея. 2006. В кн.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва, Российское библейское общество: 1039–1072.
- Киты в мифологии и фольклоре. 2001–2020. URL: <http://aqualib.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st002.shtml?ysclid=lt9m4xj9j37345127871> (дата обращения: 31.01.2024).
- Платонов А.П. 2012. Никита. В кн.: Платонов А.П. Сухой хлеб. Сост., подготовка текста, комментарии Н.В. Корниенко. Москва, Время: 128–133.
- Суперанская А.В. 1998. Словарь русских личных имен. Москва, Издательство АСТ, 522 с.

Список литературы

- Алейников О.Ю. 2013. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж, НАУКА-Юнипресс, 222 с.
- Алейников О.Ю. 2015. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2: 5–8.
- Бугакова Н.Б. 2023. Специфика ономастикона А. Платонова. Воронеж, НАУКА-ЮНИПРЕСС, 322 с.
- Вязовская В.В. 2007. Ономастика романа Н.С. Лескова «Соборьяне». Воронеж, Научная книга, 174 с.
- Дмитровская М.А. 2000. Образная параллель «человек – дерево» у А. Платонова. В кн.: Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Книга 2. Под ред. В.Ю. Вьюгина. Санкт-Петербург, Наука: 25–40.
- Имя в пространстве культуры. 2023. Под ред. О.В. Сулеминой. Воронеж, Воронежская областная типография – издательство им. Е. А. Болховитинова, 372 с.
- Ковалев Г.Ф. 2002. И еще раз о названии «Чевенгур». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1: 287–291.
- Ковалев Г.Ф. 2014. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, Научная книга, 440 с.
- Ковалев Г.Ф. 2022. Биографизм ономастики А. Платонова. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4 (47): 38–47. DOI: [10.36622/AQMPJ.2022.41.55.006](https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.41.55.006)
- Корниенко Н.В. 1999. «Добрые люди» в рассказах А. Платонова конца 30-х–40-х годов. Предварительные текстологические заметки. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 3(15): 24–37.
- Скуридина С.А. 2022. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, Воронежский государственный университет, 341 с.
- Толстая С.М. 2009. Категория родства в этнолингвистической перспективе. В кн.: Категория родства в языке и культуре. Под ред. С.М. Толстой. Москва, Индрик: 7–22.
- Тхань Ч.Т.Ф. 2020. Особенности ономастики Андрея Платонова (ранние и биографические произведения). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 161 с.
- Яблоков Е.А. 2019. Делать людей бы из этих гвоздей: рассказ А.П. Платонова «Никита» (К 120-летию со дня рождения). *Русский язык в школе*, 80(5): 32–38. DOI: [10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38](https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38)

References

- Aleinikov O.Yu. 2013. Andrei Platonov i ego roman «Chevengur» [Andrei Platonov and his novel “Chevengur”]. Voronezh, Publ. Nauka-Yuni-Press, 222 p.
- Aleinikov O.Yu. 2015. Semantics of the character s names in Andrei Platonov s story "Dzhan". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2: 5–8.
- Bugakova N.B. 2023. Spetsifika onomastikona A. Platonova [Specificity of onomasticon by A. Platonov]. Voronezh, Publ. Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, 322 p.
- Vyazovskaya V.V. 2007. Onomastika romana N.S. Leskova «Soboryane» [Onomastics of the novel by N.S. Leskov "Soborians"]. Voronezh, Publ. Nauchnaya kniga, 174 p.
- Dmitrovskaya M.A. 2000. Obraznaya parallel' «chelovek – derevo» u A. Platonova [he figurative parallel “man – tree” by A. Platonov]. In: Tvorchestvo Andrey a Platonova. Issledovaniya i materialy [The works of Andrei Platonov. Research and materials]. Book 2. Ed. V.Yu. V'yugin. St. Petersburg, Publ. Nauka: 25–40.
- Imya v prostranstve kul'tury [Name in the space of culture]. 2023. Ed. O.V. Sulemina. Voronezh, Publ. Voronezhskaya oblastnaya tipografiya - izdatel'stvo im. E.A. Bolkhovitinova, 372 p.
- Kovalev G.F. 2002. I eshche raz o nazvanii «Chevengur» [And once again about the name “Chevengur”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 1: 287–291.
- Kovalev G.F. 2014. Izbrannoe. Literaturnaya onomastika [Favorites. Literary onomastics]. Voronezh, Publ. Nauchnaya kniga, 440 p.
- Kovalev G.F. 2022. Biographism of Onomastics by A.A. Platonov. *Actual issues of modern philology and journalism*, 4 (47): 38–47. DOI: [10.36622/AQMPJ.2022.41.55.006](https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.41.55.006)
- Kornienko N.V. 1999. "Kindly souls" in A. Platonov's short stories of the late-1930s - 40s: preliminary notes on the textual logic. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 3(15): 24–37.
- Skuridina S.A. 2022. Onomasticheski i kod khudozhestvennykh tekstov F.M. Dostoevskogo [Onomastic code of literary texts by F.M. Dostoevsky]. Voronezh, Publ. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 341 p.

- Tolstaya S.M. 2009. Kategoriya rodstva v etnolingvističeskoj perspektive [The category of kinship in an ethnolinguistic perspective]. In: Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture [Category of kinship in language and culture]. Ed. S.M. Tolstaya. Moscow, Publ. Indrik: 7–22.
- Tkhan' Ch.T.F. 2020. Osobennosti onomastiki Andreya Platonova (rannie i biograficheskie proizvedeniya) [Features of onomastics of Andrei Platonov (early and biographical works)]. Dis. ...cand. philol. sciences. Voronezh, 161 p.
- Yablokov E.A. 2019. These Nails Would Make Good People: a Story by A.P. Platonov «Nikita» (To the 120th Anniversary of the Birth). *Russian language at school*, 80(5): 32–38. DOI: [10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38](https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.02.2024

Поступила после рецензирования 27.04.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Received February 01, 2024

Revised April 27, 2024

Accepted June 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

Скуридина Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

Кузьминых Елена Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadeshda B. Bugakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

Svetlana A. Skuridina, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.

Elena O. Kuzminykh, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia.